

Ольга Викторовна Сахарова

Украина, Национальная музыкальная академия Украины им. П.И. Чайковского

Коммуникативные «лакуны» в синтаксисе драматургического дискурса (на материале пьес Н. Коляды и Л. Петрушевской)

Ключевые слова: драматургический дискурс, коммуникативные лакуны, дискурсивы, рефлексивы.

Key words: dramatic discourse, communicative gaps, discourses, reflexes.

Abstract

The article deals with the reflection of interpersonal communication in dramatic discourse. The “gaps” – speech elements, which actually do not contain important communicative information – are analyzed. They are focused on different states of interlocutors and represented by repetitions, idioms, modal predicates etc. The diversity of investigated communicative elements is classified into discourses targeted at dialogic interaction and reflexes. They reflect different deep intentions of the speaker practically without dialogic interaction.

Разграничение статусно-ориентированного и личностно-ориентированного дискурсов, предложенное В.И. Карасиком [Карасик 2004], позволяет представить стихию языкового существования человека и его сосуществования с окружающим миром как в ракурсе официальной, институциональной коммуникации, так и в плане межличностного общения.

Становление и развитие теории речевой коммуникации было связано преимущественно со статусно-ориентированным дискурсом, что отражено в исследованиях П. Грайса, Дж. Остина, Дж. Сёрля и их последователей, и было направлено фактически на решение прагматических задач общения. Постулаты Грайса, в частности, коррелировали адекватность кооперации в деловой коммуникации, где актуальными представляются максимы количества (полноты) и качества информации, релевантности и способа их выражения

[Грайс 1985]. В дальнейшем описание ключевых проблем институционального речевого взаимодействия предопределило теоретические основы науки, раскрывающие понятия самого коммуникативного процесса и его единиц, средств и содержания коммуникации; а также представления о коммуникативных ситуациях, актах, эффектах и др.

Однако, стройная картина деловой коммуникации нарушается в разнообразных формах межличностного общения, на котором все чаще фокусируется внимание лингвистов. В этом плане представляются знаковыми исследования языкового бытия человека [Гаспаров 1996], фатических речевых жанров [Дементьев 1999] и др. Б. Гаспаров отмечает: «Нет ничего более простого и очевидного, чем каждодневная будничная жизнь, непременной частью которой является языковое существование: она нам досконально знакома, она всегда у нас перед глазами. Но как описать этот „объект“? Всякому ясно, что самая эзотерическая, но искусственно созданная организация представляет собой более простой предмет исследования, чем этот столь доступный, но и столь неуловимо ускользающий и растекающийся феномен» [Гаспаров 1996: 10]. Подробно описанные В. Дементьевым фатические речевые жанры отражают многовекторное коммуникативное бытие человека.

В многоликости стихии вербальной интеракции нередко возникают речевые единицы, противоречащие коммуникативной теории, в частности, постулатам П. Грайса, не представляющие информативного содержания, отражающие, по словам Б. Гаспарова, «ускользающий и растекающийся феномен», отчасти декодируемый участниками коммуникативного взаимодействия. Как правило, они символизируют различные состояния собеседников и их окружения (такие вот дела...), (не говори). С синтаксической точки зрения, описываемые коммуникативные элементы чаще всего представлены вводными конструкциями (честно говоря, на самом деле). Условно интерпретируем их как «лакуны», заполняемые различными субъективными смыслами.

Само понятие лакуны возникло в контексте сопоставительной грамматики и лексикологии, когда в системе одного языка отсутствовали слово либо грамматическая категория, свойственные другому, что отражено в работах В.Г. Гака, В.И. Жельвиса, Н.И. Толстого, И.С. Топорцева и др. В современной теории лакунарности Г.В. Быкова выделяет лакуны коммуникативные и личностные [Быкова 2003].

Однако в данном случае речь идет не об отсутствии или пропуске чего-либо, а о некоем условном пробеле, о пустоте, имеющей формальное выражение, заполняемой различными интенциями говорящих. Следовательно, под коммуникативными лакунами мы понимаем слова, фразы, лишенные четкого информативного смысла в конкретной коммуникативной ситуации. С точки зрения передачи информации, подобные языковые единицы (слова, фразы, устойчивые выражения) не несут в себе значимого прагматического

сообщения, однако, в вербальной интеракции межличностного общения они могут быть весьма значимыми и выразительными.

Свои наблюдения мы представляем на материале не непосредственного общения, а в отраженной художественной реальности – в драматургическом дискурсе. Как отмечает П. Пави, театр сам по себе является искусством и прототипом человеческого общения [Пави 1991].

В нашем понимании, драматургический дискурс, являющийся синтезом литературы и театрального искусства, основывается на тексте драматического произведения, представляющем воспроизведение языкового бытия человека преимущественно в контексте коммуникативного сосуществования и предполагающем сценическое воплощение. Персонажи (действующие лица), как правило, «выписаны» из ролей жизненных для их трансформации в роли сценические.

Глубины экзистенциальных переживаний и драм, событий и ситуаций передаются на уровне текста в диалогах, монологах, репликах с помощью определенных синтаксических конструкций, произносимых персонажами.

Современные драматурги (в частности, Н. Коляда и Л. Петрушевская, к творчеству которых мы обратились) вводят коммуникативные «лакуны» как для психологической характеристики «говорящих» персонажей, так и для выявления социально-экзистенциального содержания драмы.

В творчестве Н. Коляды представлены преимущественно персонажи на фоне унылого, безрадостного бытия, на фоне которого действующие лица подсознательно ощущают бессмысленность, что вызывает у них внутреннее раздражение. Они представляются преимущественно в мало содержательной коммуникации, приговаривая каждый свое.

СТАРИК. Даунклуб, блин. Солнышко! Так, может, это воры, сообщники позвонили, вьетнамцы же такие вот как вот и он вот, а?!;

БАБЁНКА. Пряма укайка с ним. Портит вот впечатление о русском народе перед иностранными гостями, как не стыдно, ай-яй-яй.

(Н. Коляда, «Картина»)

Словотворчество, окказиональные идиомы возникают в речи персонажей преимущественно в контексте оценки. Едва ли участники вербального взаимодействия продуцируют подобные высказывания в качестве языковой игры, однако можно предположить некое подсознательное стремление выйти из привычного круга в игровое и творческое пространство.

Кроме оценочной функции, окказиональные идиомы могут выступать и в качестве эмотивной характеристики персонажа, постоянно повторяющегося (повторяющей) абсурдное словосочетание:

Я хотела бы стать мужиком, собака два.

Да, собака два, не в голосе я сегодня, не в голосе я...

Только я, собака два, всегда думала, что я успею больше других, и что?

(Н. Коляда, «Кармен жива»)

В некоторых случаях перманентно используемой фразой выступают абсолютно нейтральные предложения, варьируемые в различных контекстах:

Я уже с ярмарки еду, а мне до такой шубы – как до Китая впрысядку.
Мне надо успевать. Я с ярмарки. Твоя протечка, сказала, твоя!
С ярмарки я. Вам – не понять.

(Н. Коляда, «Театр»)

Информативное содержание предложения абсолютно нивелируется и становится рефлексивным повтором, лишенным первоначальной семантики.

Диалогические «лакуны» могут быть завуалированы в абсолютно иррациональные фразы, ярко отражающие эмоциональный и интеллектуальный психотип героини: «Мне не купит. Где уж нам уж выйти замуж, мы уж так уж как уж накуж» (Н. Коляда, «Театр»).

Речевым маркером эмоционального возбуждения зачастую выступают повторы, что может, в частности, передавать и возмущение: «ЭЛЬВИРА. Какой столик? Какой тебе столик? Какой вам всем надо ещё столик? Столики им подавай!» (Н. Коляда, «Кармен жива»).

Коммуникативная лакуна в диалоге собеседников, представляющая абсолютный повтор, может служить элементом психологической адаптации.

СТАРИК. Нет, не может быть, нет, он отойдет, это особый сорт, как яйцо, называется: «Стул для тёщи».

ПАРЕНЬ. «Стул для тёщи»?

СТАРИК. Да, да, «Стул для тёщи!» (Смеётся нервно.)

ПАРЕНЬ. «Стул для тёщи», да? (Хохочет.)

СТАРИК. «Стул для тёщи», да, да, да!

ПАРЕНЬ. Для тёщи? Стул? (Смеются оба.)

(Н. Коляда, «Царица ночи»)

Динамичность ситуации при шестикратном повторе одного словосочетания создается благодаря авторским ремаркам.

Состояние отчаяния передается несвязной речью с многочисленными обращениями, восклицаниями, парцеллированными конструкциями, повторами:

Товарищи! Товарищи! Нам нужно срочно домой! Нам очень нужно домой! Во всяком случае – мне лично очень нужно домой! Очень, очень, товарищи! Слышите?! Ещё немного и я начну сходить с ума! Я не могу больше трех часов без... Без! Без! Вы понимаете меня, товарищи?!

(Н. Коляда, «Венский стул»)

Если персонажи Н. Коляды достаточно рельефны и экспрессивны, то панорама человеческих характеров в пьесах Л. Петрушевской представлена в неких полутонах, в сложной гамме состояний и ощущений. Условные «лакуны» воссоздают преимущественно неуверенность, недоверие, смешение чувств, которые выражаются, в частности, с помощью односложных ментальных предикатов:

Юра. Вы странная. Вам это самой нужно, как и мне. Мы ведь идем друг к другу с открытой душой.

Галя. Допустим.

Юра. Тогда надо признаться, что вам это тоже нужно не хуже меня. Мы ведь не притворяемся тут в жмурки.

Галя. Предположим.

(Л. Петрушевская, «Лестничная клетка»)

Более категоричная реакция неприятия находит воплощение в безличном предложении с модальным предикатом:

Света. Ты... есть будешь?

Толя. Меня хорошо отравили в этом ресторане.

Света. Мне понравилось.

Толя. Меня отравили.

Света. Нет, мне понравилось.

Толя. С непривычки.

Света. Нет, мне просто понравилось, как там кормят.

(Л. Петрушевская, «Любовь»)

Состояние неопределенности, в котором проявляется и недоверие, и попытка участия, передается либо вопросительными репликами, повторением предыдущих фраз собеседника (1), своеобразным хиазмом (2):

(1)

Юра. Славик хочет уйти.

Галя. Правда?

Слава. Нашел тоже! Грош цена в базарный день.

Юра. Мы обиделись.

Галя. Да?

(2)

Юра. Так что ты, Галка, не думай.

Галя. Да я не думаю...

Иванов. Опять верно. Это я тебе обещал.

Граня. Обещал-то обещал...

(Л. Петрушевская, «Лестничная клетка»)

Установка на собеседника, попытка поддержать разговор проявляется в переспрашивании:

Галя. А что вы играете?

Юра. В основном Шопена. Марши.

Галя. Да? А на чем вы играете?

Юра. Такая есть валторна. Валторнист.

Галя. А что это?

Юра. Духовое.

Галя. Духовое?

Галя. Ваш друг молчаливый.

Юра. Это признак ума. Молчание – золото.
Гая. А разговор – серебро.

(Л. Петрушевская, «Лестничная клетка»)

Вопрос, состоящий из предыдущего утверждения, также представляется статичным с точки зрения коммуникации, однако содержит осмысление сказанного. Постепенное включение в разговор обуславливает обыгрывание идиомы, что свидетельствует об определенном преодолении скованности, поскольку игра зачастую свидетельствует о свободе.

Дальнейшее раскрепощение собеседников предполагает выполнение и других социальных функций, в частности убеждения (или же самозащиты), где снова фигурируют лексические и синтаксические повторы:

Юра. Ой, не верь, не верь нам, мужикам. Нам разве это нужно, разве этот хомут? Просто погулять, приятно провести время, как мужчина может с женщиной. Зачем ему лишние сложности, зачем эти скороспелые браки? Ты нам не верь, не верь. Никто, ни один дурак так не женится. Кому это нужно? Не верь.

(Л. Петрушевская, «Лестничная клетка»)

О манипулятивном подтексте фрагмента свидетельствуют и отрицательные местоимения, ибо «все» и «никто» выступают абстракциями, за которыми не существует реальных людей, событий, явлений.

Воспроизведение отчаяния имеет общие языковые особенности с аналогичным фрагментом у Н. Коляды, несмотря на сюжетные, контекстуальные, ситуативные различия: «Нина. Он у нас будет? А? (Плачет.) О-о-о, что делать, что делать, люди, люди... (Пошатываясь, встает от стола.)» (Л. Петрушевская, «Уроки музыки»).

Характерным показателем состояния безысходности вновь выступает обращение к людям, что свидетельствует, вероятно, о необходимости защиты, помощи. Как и у Н. Коляды, персонаж Л. Петрушевской вызывает к абстрактным адресатам.

Иррациональные фразы с нарушением грамматических и (или) смысловых связей выступают характерным приёмом создания коммуникативной «лакуны», что свойственно пьесам и Н. Коляды, и Л. Петрушевской:

Валя. Ты что, здесь не живёшь?
Паша. Временно.
Валя. Временно живешь или временно нет?
Костя. Сегодня здесь и всё.
Валя. А вообще где?
Паша. Сейчас еще нигде пока уже опять.

(Л. Петрушевская, «Чинзано»)

Нагромождение темпоральных сирконстантов, семантика которых взаимоисключает друг друга, также формирует своеобразную смысловую лакуну, лишённую продуктивного смысла.

Беглый анализ фатической коммуникации в драматургическом дискурсе позволил отметить некоторые тенденции межличностного общения. Редукция информативности, акцент на выявление личностных смыслов предопределяют появление в синтаксисе драматического текста, максимально приближенного к воспроизведению реального общения, неких «лакун» – пустот, пробелов, фокусирующих внимание на внутреннем состоянии человека. Они могут быть направлены на собеседника, на попытки диалогического взаимодействия, или же, напротив, фиксировать нежелание участвовать в коммуникации, «уход в себя».

Коммуникативные элементы, условно порождаемые экстравертной функцией, являются дискурсивами. Они находят синтаксическое воплощение в повторах, вопросах, обращениях к конкретному лицу, модальных компонентах, в частности, предикатах. Подобные дискурсивы свойственны преимущественно пьесам Л. Петрушевской, в которых персонажи идут на контакт, однако выражают при этом недоверие, сомнения, неуверенность в себе, попытки суггестии и т.д.

Рефлексивы же глубже отражают внутренний мир человека, его потребность в собственном пространстве, а также сложности коммуникации. В этом контексте актуализируются состояния разочарования, возмущения, раздражения. Воспроизведение таких аспектов коммуникации свойственно Н. Коляде. Синтаксическими приёмами остаются преимущественно повторы.

Однако, не всегда коммуникативные «лакуны» могут быть четко квалифицированы. Неоднозначность эмоциональной реакции на мир и собеседников нередко находят воплощение во фразах, лишенных смысла. Эмоция отчаяния, в свою очередь, провоцирует состояние незащищенности, что предопределяет обращение к абстрактному адресату.

Особые синтаксические единицы вводит Н. Коляда. Драматург создаёт идиомы-неологизмы, повторяемые определенными персонажами. По своим функциональным особенностям они, скорее, тяготеют к рефлексивам.

Литература

- Быкова Г., 2003, *Лакунарность как категория лексической системологии*, Благовещенск: Изд-во БГПУ.
- Гаспаров Б., 1996, *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*, Москва: Новое литературное обозрение.
- Грайс П., 1985, Логика и речевое общение, *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVI, Москва.
- Дементьев В., 1999, Фатические речевые жанры, *Вопросы языкознания*, № 1, с. 37–55.
- Карасик В., 2004, *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*, Москва: Гнозис.
- Коляда Н., *Пьесы*, <http://kolyada.ur.ru/category/plays/>.
- Остин Дж., 1986, Слово как действие, *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVII, Москва.

Пави П., 1991, *Словарь театра*, Москва: Прогресс.

Петрушевская Л., 2006, *Квартира Коломбины*, Санкт-Петербург: Амфора.

Серль Дж., 1986, Что такое речевой акт?, *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. XVII, Москва.